

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К12

Серия основана в 2011 году
Выпуск 549

Художник
Е. Никольская

Каблукова Е.

К12 Его чужая жена: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 313 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3101-4

Брак, обещавший быть счастливым, не удался. Муж, обещавший быть любящим, предал и превратил жизнь Денизы в ад. Требование родить наследника повергает в ужас, и даже древняя магия не в силах помочь. Встреча с незнакомцем на берегу моря меняет все. Денизе придется выбрать между честью и свободой. Или же... счастье все-таки возможно?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Екатерина Каблукова, 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3101-4

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Месяц после Лугнаса, древнего Праздника луга, выдался очень жарким, и никто не верил, что наступил конец лета. Лишь скирды скошенного в полях сена и ночные холода предупреждали, что осень не за горами. Днем жара расплзалась в воздухе, радуя всех жителей графства. Солнце сияло, словно призывая людей наслаждаться теплом, которое вот-вот закончится.

Виконтесса Дениза Сен-Клер с досадой взглянула на яркий диск в небе и перевела свою лошадь в шаг у дороги, ведущей к воротам в Клер-холл — родовое имение ее мужа. После быстрой скачки темные, слегка вьющиеся волосы женщины растрепались, а на лбу появились капельки пота.

Совсем недавно подобная небрежность ее бы расстроила, но сейчас она даже не обратила на это внимания. Поправив слегка сбившуюся вуаль — пришлось надеть ее, чтобы защитить лицо от пыли, — Дениза полностью отпустила повод и предоставила лошади самой идти к конюшням. Серая в яблоках кобыла вытянула шею и побрела, задумчиво посматривая на сочную траву вдоль дороги. Хозяйка нежно похлопала ее по шее рукой, затянутой в потрепанную перчатку:

— Потерпи, в обед тебя выпустят.

Лошадь в ответ фыркнула, словно выражая сомнение, виконтесса улыбнулась и слегка тронула ее ногами: с недавних пор, окончательно презрев приличия, она предпочитала мужское седло дамскому. Впрочем, ей терять нечего: в глазах соседей Дениза была непристойной женщиной. В графстве ходили упорные слухи, будто виконт Сен-Клер сослал жену в родовое имение в наказание, но никто не знал, за что именно.

В свои редкие визиты в город виконтесса то и дело слышала за спиной ехидный шепот. Она замечала, что, завидев ее, жен-

щины смущенно отворачивались, а юные девушки и вовсе спешили перейти на другую сторону улицы.

Поначалу Дениза расстраивалась и пыталась выяснить причины столь явного пренебрежения у своей новой горничной, розовощекой сельской девицы, чье пышущее здоровьем лицо обрамляли темные кудряшки. Горничную звали Молли, виконтессе ее рекомендовала миссис Хиллед, экономка из Клер-холла.

— Иначе поползут слухи, миледи, сами знаете...

Дениза лишь улыбнулась в ответ, прекрасно понимая, что горничная наверняка окажется родственницей суровой с виду экономки.

Молли оказалась племянницей. Деревенская девушка не обладала навыками, присущими надменной столичной прислуге, но была исполнительна, трудолюбива, а потому Дениза решила ее нанять.

От расспросов госпожи служанка сначала отнекивалась, затем, краснея и запинаясь, поведала о слухах, ходивших уже по всему Корнуи.

Как выяснилось, все началось с одежды. Тонкая и гибкая от природы, Дениза, следуя континентальной моде, перестала затягивать себя в корсет так, чтобы передавить талию. Это вызывало осуждение, как и долгое проживание в запущенном имении одной, без мужа.

Услышав это, виконтесса поначалу впала в ярость, но сразу же рассмеялась, заставив горничную усомниться в здравом рассудке хозяйки.

Пришлось уверить перепугавшуюся девицу, что Дениза не сошла с ума, после чего виконтесса просто перестала обращать внимание на перешептывания соседней, намеренно шокируя всех своими экстравагантными нарядами и поступками. Мужское седло, как и отсутствие сопровождающего груга, было одним из них.

Виконтесса подъехала к настежь распахнутым в ожидании ее воротам — привратник, любитель пропустить по маленькой, не утруждал себя излишней работой. Впрочем, деревенские жители прекрасно знали все обходные пути через рощу, некогда бывшую священным лесом, а ныне окружавшую старинное имение Сен-Клеров, а соседи предпочитали делать вид, что Денизы просто не существует.

Проехав по тени, отбрасываемой липами поросшей травой подъездной аллеи, Дениза повернула к конюшням — единственному месту, где царило оживление.

Там она спешила и, протянув своей любимице лакомство, передала поводья мальчишке-конюху, а сама неспешно направилась к старому особняку, который уже полгода был ее домом. Или тюрьмой. Смотри как воспринимать вынужденное проживание здесь, в родовом имении ее мужа, виконта Энтони Сен-Клера.

Мрачный, неоднократно перестраивавшийся из древнего замка дом находился в запустении. Две дозорные башни, оставшиеся с незапамятных времен, были почти полностью разрушены, восточный флигель давно стоял без крыши, а западный превратился в груды камней. Жилой оставалась лишь центральная часть, к которой дед нынешнего виконта пристроил крыльцо в виде эллинского портика.

В темных комнатах центральной части, все еще пригодной для проживания, всегда пахло плесенью, а на стенах после дождей появлялись пятна от многочисленных протечек.

Дениза жила здесь уже полгода. Брак, заключенный, как она полагала, по любви, никогда не был ни образцовым, ни счастливым. Слишком юная и неопытная, девушка достаточно быстро надоела мужу, и он предпочел вернуться к холостяцким привычкам, отослав жену в родовое имение.

Полностью зависимая от супруга, Дениза скрепя сердце подчинилась приказу и уехала в Корнуи, страну своих предков, слишком давно захваченную и поработченную саксами, чтобы об этом можно было помнить. Лишь несколько семей, в том числе и ее собственная, пытались сохранить чистоту крови.

Побочные ветви древних королев, они кичились своим происхождением, что не мешало этим семьям жить в Ландау, столице, основанной древними завоевателями, вести светскую жизнь и посещать балы, устраиваемые потомками тех самых захватчиков.

Впрочем, Энтони, сам того не зная, оказал жене услугу. К тому времени Денизу вся столичная суета утомила.

Выросшая в соседнем графстве, Дейвоне, виконтесса Сен-Клер чувствовала себя гораздо более счастливой здесь, в глуши, чем на тесных улицах Ландау и на роскошных приемах.

В городе ее раздражало все: дома, грязные булыжные мостовые, постоянный шум, проникавший сквозь толстые стекла до-

ма на Роуз-сквер, которым так гордился ее муж. Она тоже была его приобретением. Таким же, как дом или породистая лошадь.

Дениза поняла это слишком быстро, впрочем, виконт Энтони Сен-Клер даже не пытался это скрыть, выставляя ее в свете как свой очередной триумф. Это было очень больно.

Она любила Тони. Вернее, думала, что любила, — до того момента, пока не обнаружила, что и после свадьбы у мужа были женщины. Много женщин, на которых было потрачено и состояние самого виконта, и приданое Денизы. Когда это вскрылось, виконтесса Сен-Клер устроила скандал.

Энтони не стал отрицать, просто ушел из дома, а на следующее утро Денизе передали письмо, в котором ей приказали уехать в Клер-холл. Девушка подчинилась.

Поначалу, полная надежд, что все образуется, она ждала, что муж приедет за ней. Но дни шли за днями, надежда угасала. До виконтессы иногда доходили слухи об очередном увлечении Тони. Умея читать газетные статьи между строк, она прекрасно понимала, что означает фраза «в сопровождении прекрасной спутницы», но к этому времени любовь окончательно угасла, а имя мужа стало восприниматься как пустой звук.

В какой-то момент Дениза вдруг поняла, что она счастлива в своем одиночестве, ведь в Клер-холле была магия. Древняя, как сама жизнь. Она чувствовалась в каждом камне скал, в каждой травинке. Магия плескалась радугой в белой пене волн, шелестела ветром в голубых васильках и разноцветном вереске.

Даже солнечный свет, казалось, был пропитан ею. Кровь древних королей, струившаяся в венах Денизы, бурлила, и никогда еще девушка не чувствовала себя столь свободной.

С почти детским восторгом виконтесса бродила по неухоженному парку, бывшему когда-то священной рощей древних богов. Верная традициям предков, виконтесса всегда оставляла на обломках каменного круга приношения для пикси — шаловливых маленьких фейри. Не прошло и недели с приезда, как Дениза различила в траве хитрые мордашки и рыжие вихры.

От нечего делать девушка поделилась своим открытием с экономкой, но та лишь осенила себя священным крестом и предложила вызвать священника.

— Не стоит, — поспешно ответила виконтесса. — Скорее всего, мне просто показалось.

— Должно быть, так, миледи, — согласилась экономка, опасаясь, что за именем закрепится дурная слава гиблого места. — Их только маги видят, так что...

С тех пор Дениза больше не говорила о фейри, но постоянно встречала их, замечая сморщенные маленькие мордашки. Поначалу пикси смотрели на нее настороженно, но потом любопытство взяло верх.

— Я не обижу вас, — обещала девушка, видя, что маленькие человечки с интересом следят за ней, прячась в вереске на пустошах.

Маленькие фейри достаточно быстро прониклись симпатией к хозяйке этих мест и теперь сами показывали дорогу, заставляя обходить опасные, на их взгляд, тропинки.

— Нельзя, нельзя!

— Там зло!

— Опасно! — пищали они.

Именно пикси и привели Денизу к Неметону — огромному дубу, у узловатых корней которого проходила Грань — едва заметная граница между двумя мирами. Корни дерева уходили глубоко в землю, а в темной листве по вечерам порхали эллионы — эльфы-светлячки, готовые заманить неосторожного человека в свой мир.

Вот и сейчас, выйдя из конюшни, виконтесса огляделась в поисках своих приятелей, но жара даже маленький народец заставила вернуться в свои небольшие жилища-норы.

Все еще досадуя на солнце, Дениза поднялась на крыльцо старинного особняка, сама открыла дверь и вошла в полумрак холла, много веков назад бывшего рыцарским залом, где собирались все члены рода.

В период расцвета Корнуи на месте каменного дома возвышался мрачный замок. Сен-Клеры владели им с незапамятных времен, постоянно перестраивая, и теперь о его первоначальном предназначении напоминала лишь покосившаяся дозорная башня. Восточное крыло стояло без кровли, а от западного, как и от самой крепостной стены, остались покрытые мхом развалины.

Несмотря на сухую погоду, в холле пахло сыростью. От нее не спасали ни деревянные панели, облицовывающие стены, ни побитый молью ковер, расстеленный на каменном полу. От сырости лестница из мореного дуба, по обе стороны которой стояли ржавые рыцарские доспехи, рассохлась и скрипела.

На стене, над огромным, почерневшим от копоти камином, висел старый щит. На нем был изображен герб Сен-Клеров: на алом фоне — вставшие на дыбы единорог и дракон.

Призванный подчеркивать величие рода, щит давно треснул, а краска выцвела и облупилась. И зрелище было жалким.

Дениза несколько раз порывалась приказать слугам убрать весь этот хлам в кладовку, но каждый раз что-то ее останавливало.

Виконтесса уже шагнула на первую ступеньку, когда ее окликнули по имени. Женщина вздрогнула и замерла, прежде чем обернуться. При виде высокого, слегка сутулящегося мужчины с каштановыми волосами рука непроизвольно сжала перила.

— Ты?! — с изумлением произнесла она, бледнея, словно увидела призрака.

Впрочем, это и был почти призрак. Тот, о ком Дениза предпочитала не вспоминать и кого любила когда-то: виконт Энтони Сен-Клер, ее муж. В брюках-галифе и кожаной куртке, с белым шарфом на шее, он неуместно смотрелся на фоне камина. Это была первая мысль, пришедшая Денизе в голову.

Виконтесса вдруг поняла, что муж очень изменился с их последней встречи. Он похудел, черты лица заострились, а в когда-то презрительно смотревших на мир глазах плескался страх.

Все чувства обострились до предела. Всмотревшись, Дениза увидела, что виконта окутывает едва заметная дымка магии. Грубо сплетенные охранные заклинания, которые необходимо постоянно обновлять. Не лучший выбор для того, кто хочет сохранить себе жизнь и рассудок.

Девушка знала: такая защита требует слишком много сил, изматывая и буквально доводя до безумия. Дениза с беспокойством посмотрела на мужа, гадая, что могло случиться, если Энтони, пренебрегая всеми правилами, отважился на такое.

— А ты осталась прежней, — заметил виконт, внимательно рассматривая свою жену.

Дениза вдруг осознала, что ее амазонка слишком старая, волосы растрепались и вся она покрыта пылью после долгой скачки.

— Зачем ты приехал? — спросила она, заметив, что все еще с силой сжимает ручку хлыста.

— Это мое имение, ты не забыла? — В голосе мужа звучала насмешка.

— Я помню... — Дениза хотела добавить, что помнит и все остальное, но сдержалась, и оттого на душе стало еще горше.

Виконт Сен-Клер кивком указал в сторону гостиной:

— Может быть, поговорим там?

— Как пожелаешь.

С насмешливым поклоном Тони пропустил ее, зашел следом и плотно прикрыл дверь от любопытствующих слуг. С присутствием человека, являвшегося ее мужем, Дениза вдруг заметила, что мебель здесь очень старая, портьеры — с обтрепанными краями, а на одной из стен слегка облупилась краска.

— Я слушаю! — Женщина повернулась, но садиться не стала, вынуждая хозяина дома стоять.

Сен-Клер прошелся по комнате, похлопывая перчатками, которые держал в одной руке, по ладони другой, как он делал всегда в минуты сильного волнения. Дениза хорошо это помнила, как и многие его привычки. Когда-то она даже специально запоминала их, желая быть послушной женой.

Вот человек, бывший ее мужем, останавливается, сейчас бросит быстрый взгляд в окно, куда-то вдаль, вверх мелкого переплета рамы, словно силясь там найти правильные слова, затем развернется и скажет...

— Мне нужен наследник.

Слова прозвучали как гром среди ясного неба. Девушка почувствовала, что у нее задрожали руки, в голове зашумело.

Все-таки развод. Виконтесса Сен-Клер буквально увидела, как газетчики бегают по улицам между домов, выкрикивая звонко: «Последние новости! Скандальный развод Сен-Клеров!»

А ведь Тони наверняка укажет в качестве причины развода измену жены. Беспроигрышный вариант, чтобы не выплачивать Денизе часть приданого.

Ей придется идти в суд. Рассказывать чужим мужчинам о своей жизни, терпеть насмешки черни, которая явится на бесплатное развлечение. И все равно вердикт будет один: «Виновна». Скандал, презрительные взгляды родных, которые давно позабыли о ней, газетные статейки...

Дениза прекрасно понимала, что после такого ее не возьмут ни в один дом даже прислугой. Без денег, опозоренная, она вынуждена будет или умереть от голода, или... Дениза несколько раз в Ландау видела женщин, торгующих своим телом. Вульгарно одетые, они улыбались, хотя в глазах была тьма...

Погруженная в грустные мысли, девушка не обратила внимания, что муж произнес свою тщательно подготовленную речь и теперь молчит, ожидая ответа.

— Прости? — Ноги не держали, и Дениза буквально рухнула в кресло, вцепившись в подлокотники.

— Мы будем жить вместе, пока ты не родишь мне наследника, — хмуро повторил виконт.

— Что? — Она не поверила тому, что услышала, сердце забилось, готовое вот-вот выскочить из груди. — Тони...

— Меня зовут Энтони, — холодно перебил ее муж.

— Энтони, — послушно повторила Дениза и слегка насмешливо кивнула: — Конечно. Как пожелаешь.

Тони смотрел на жену с явным раздражением.

— Прошу, не изображай мученицу. — Он взмахнул рукой, словно отменяя все возражения, которых не было. — Мы — муж и жена, рождение наследника — твоя прямая обязанность!

От этой грубости дыхание перехватило, Дениза закашлялась, но заставила себя продолжить:

— Раз уж ты так откровенен, то я хотела бы знать, что будет потом, когда ребенок родится?

Виконтесса всматривалась в лицо мужа, надеясь увидеть там хотя бы какой-то проблеск чувства, но в янтарных глазах была лишь злость. Интересно, на кого Тони злится больше, на себя или на нее?

— Потом я позволю тебе уехать. — Энтони сел в соседнее кресло, закинул ногу на ногу и холодно взглянул на жену. — И если ты будешь послушна моей воле, выделю содержание, мне помнится, ты этого хотела при нашем последнем разговоре.

Дениза вздохнула и отвела взгляд, смотря куда-то вдаль. Все происходящее в комнате напоминало кошмар.

— Дениза, ты меня слышишь? — Недовольный голос мужа ворвался в ее мысли.

Захотелось вскочить, затопать ногами, выгнать его из комнаты, но она сдержалась. Лишь спокойно произнесла:

— Уехать? Куда?

— Куда пожелаешь.

— Ты считаешь меня способной оставить своего ребенка? — Женщина говорила глухо, словно этот разговор причинял ей боль.

Тони раздраженно посмотрел на нее:

— Давай не будем все усложнять, особенно сейчас, когда у меня болит голова! Я проехал на своем олдсмобиле почти три-

ста миль, больше трети из которых пришлось на очень скверные дороги.

Олдсмобиль. При упоминании о самоходном экипаже Дениза вздрогнула. Как он посмел осквернить эти холмы своей железкой, в чреве которой разъяренно прыгал заключенный в рубин огненный демон?!

Этих злобных существ ловили в грозу, закапывая ограненный драгоценный камень туда, куда чаще всего били молнии. Попытка не всегда была удачной. Иногда маг, неправильно огранив камень или пропустив в нем изъян, мог распрощаться с жизнью. Этому учили лишь мужчин.

И вот теперь один из демонов был здесь. Спал в металлическом корпусе, ожидая своего часа. От осознания этого виконтесса вздрогнула и обхватила себя руками за плечи.

— Я не просила тебя приезжать сюда, — сказала она, заметив, что муж все еще ожидает ответа.

Тони, развалившись в кресле, небрежно заметил:

— Это мой дом.

Дениза на секунду прикрыла глаза, стараясь не показать, что ее это задело больше, чем все остальное. Клер-холл, который она привыкла считать домом, который полюбила всей душой, был именем Сен-Клеров. Дениза здесь — лишь нежеланная гостья, непокорная жена и изгнанница. Она обвела взглядом стены, потом стремительно поднялась и направилась к выходу. Уже стоя в дверях, виконтесса обернулась, ее темные глаза зло сверкнули:

— В своих грандиозных планах, Энтони Сен-Клер, вы не учли одного: что вы будете делать, если вдруг родится девочка?!

Не дожидаясь ответа, Дениза вышла и направилась в свою спальню. Единственная комната, которую виконтесса осмелилась переделать, несмотря на робкие возражения управляющего.

Стены цвета слоновой кости, золотистые портьеры с бахромой, вошедшей в моду год назад, расписное изголовье и изножье кровати — пришлось заказывать широкую, чтобы избежать излишних сплетен среди слуг, удобное кресло у окна для рукоделия.

Экономя средства, Дениза не стала обустраивать отдельно будуар, лишь заказала в спальню туалетный столик с тройным зеркалом в резной золоченой раме. Как всегда, на нем стоял небольшой таз и кувшин с водой для умывания. Дениза сама вы-

бирала их: расписной фарфор, на пузатых боках — васильки и вереск, символы древних королей Корнуи.

Сегодня спальня показалась роскошной тюрьмой.

Виконтесса подошла к тазу для умывания. Налила воду из кувшина и, зачерпнув ладонями, опустила в них пылающее лицо. Руки до сих пор подрагивали от напряжения. Заметив это, девушка отняла ладони от щек и посмотрела на себя в зеркало: дура, какая же она дура! А ведь в глубине души до сих пор жила надежда, что все наладится.

Дениза обхватила себя руками за плечи, пытаясь сдержать рыдания, но слезы жгли глаза, а дышать стало тяжело. Девушка всхлипнула, пытаясь успокоиться. Истерика не приведет ни к чему хорошему, лишь окончательно разозлит Энтони.

Необходимо позвать служанку, снять наконец эту амазонку и надеть домашнее платье, после чего послушно отправиться к мужу и спросить, что он предпочтет на ужин. Хотя Дениза и так знала ответ: цыпленка, тушенного в белом соусе, и бутылку хорошего кларета. За недолгую семейную жизнь виконтесса успела изучить его привычки.

Дениза медленно поднялась, голова вдруг закружилась. Она с трудом добрела до кровати, упала на нее и разрыдалась. Она долго оплакивала свои разбитые мечты, пока не заснула, все еще всхлипывая во сне.

Энтони сидел в спальне и холодно смотрел на свое отражение. Он поднялся сюда сразу, как только слуги привели комнату в жилой вид: сняли с мебели чехлы и вытерли пыль. Несмотря на разожженный в камине огонь, в спальне все еще было достаточно промозгло и пахло плесенью.

Цепкий взгляд виконта заметил пару темных пятен на стенах — наверняка весной крыша протекла. Тони не любил Клерхолл, совершенно справедливо считая, что фамильные развалины выкачивают из него деньги, которые он мог спокойно потратить на развлечения. А все из-за его отца.

Будучи еще наследником, тот умудрился пойти наперекор воле своего родителя и жениться на правнучке захватчиков, хрупкой белокурой и капризной дочери графа из Ландау. Брак оказался не слишком удачным, вдобавок у невесты оказалось слишком скромное приданое.

Старый виконт так и не простил этот поступок и даже на смертном одре предпочел завещать большую часть состояния своему старшему внуку, лорду Руперту Сен-Клеру. Тони дос-

тались лишь крохи огромного наследства да майоратные владения, которые он ненавидел всей душой. Клер-холл платил ему тем же, высасывая из него деньги и силы.

Полгода назад виконт Сен-Клер намеренно отослал жену именно сюда, в заброшенное имение, чтобы она поняла, чего лишилась, и ощутила всю недостойность своего поведения. Подумать только, устроить скандал из-за того, что ее приданое былое растрчено на женщин! Как будто не она сама являлась причиной его измен!

Дениза забыла, что Сен-Клеры всегда превосходили могуществом остальных жителей Корнуи. Сыновья Лиира — потомки королей, именно они, согласно пророчеству, должны возродить былое могущество Корнуи, пробудив силы древних богов. Само пророчество виконт Сен-Клер помнил очень смутно. На смертном одре его отец в бреду говорил о жертве и алтаре триединой богини, но Тони был слишком юн, чтобы вникать в бредни умирающего. А вот дед, на удивление, отнесся ко всему очень серьезно. Именно тогда, как утверждал поверенный, он и переписал свое завещание в пользу среднего сына.

Но даже дед не мог ничего поделать, и Клер-холл, эта груда древних камней, досталась Тони как сыну старшего сына.

Виконт в раздражении прошелся по комнате. Дениза должна быть просто счастлива хотя бы от того, что на нее обратил внимание не просто Сен-Клер, но глава рода. Она же...

Помимо того, что жена была дерзка, упряма и своевольна, она еще и посмела открыто возражать мужу. Более того, упрекать его в супружеской неверности, как будто не она сама виновата в этом!

Когда Тони ухаживал за Денизой, он знал, что его невеста — девственница. Иначе и быть не могло, ведь будущая виконтесса Сен-Клер обязана происходить из благородного древнего рода и хранить себя лишь для мужа, но то, что все превозносили как достоинство, оказалось недостатком.

Неопытная девушка, Дениза была слишком напряжена в постели и не могла доставить такого удовольствия, как девочки с Пикади-стрит. Тем удивительнее для Тони был скандал, который устроила жена, узнав о его постоянных визитах в бордель. Невзирая на присутствие слуг за ужином, Дениза просто швырнула ему в лицо все счета, валявшиеся на комод в холле.

В первую минуту виконт онемел от ее выходки, а потом приказал немедленно уехать в Корнуи. Не имея собственных

средств, лишенная поддержки немногочисленных родных, Дениза подчинилась.

Поначалу виконт готов был к тому, чтобы снисходительно простить жену, когда та попросит. В конце концов, она действительно красивая женщина, и Тони доставляло удовольствие выводить ее в свет. Когда супруги появлялись в зале, на них всегда обращали внимание. Виконт любил ловить на себе завистливые взгляды.

Отослав Денизу в Клер-холл, урезав ее в расходах, Сен-Клер полагал, что уже через месяц жена попросит прощения и разрешения вернуться.

Время шло, но жена так и не попросила об этом, как не просила и ни о чем другом. Платья, драгоценности, возвращение в Ландау, где уже начался сезон, — казалось, ничто ее не волнует.

От определенных людей, да что там говорить — от соседей, он знал, что все это время у нее не было мужчин. Его жена не выезжала и не принимала ничьи приглашения. Впрочем, приглашений не поступало.

Энтони не мог в это поверить. Дениза, которая обожала балы и увеселения, уже полгода жила здесь, в этой глуши, ни разу не посетовав на судьбу.

Более того, его жена стала еще красивее. Виконт ожидал, что вдали от блеска столицы, без модных нарядов ее красота увянет. Но, будто назло, Дениза словно расцвела. Девичья беззаботность исчезла, уступив место чему-то глубокому, что завораживало еще больше, заставляя желать эту загадочную незнакомку.

Энтони очнулся и понял, что так и сидит в своей спальне у зеркала. Он неспешно поправил шейный платок, разглаживая складки, и потянулся за фракком.

Расправив фалды, виконт Сен-Клер чинно спустился в столовую, где лакеи, крепкие розовощекие парни в потрепанных, некогда парадных ливреях накрывали стол на две персоны. Энтони смерил их строгим взглядом и в ожидании жены отошел к высоким стрельчатым окнам, выходящим на небольшой цветник.

Интересно, кто его разбил? Почему-то думалось, что Дениза. Виконт вдруг представил ее сажающей цветы — в старом платье, заляпанном землей, и в соломенной шляпе, как видел однажды, приехав просить разрешения на брак у ее дяди. Тогда она была просто очаровательна. Ее огромные, почти черные глаза радостно сверкали, темная прядь волос выбилась из при-

чески и лежала завитком на белоснежной коже щеки. Хотелось прикоснуться пальцами, дернуть за локон, а потом поцеловать девушку в алые губы.

Древняя кровь. Сен-Клер долго искал ее. Сильный магический дар и древняя кровь мертвых королей компенсировали небогатое приданое. К тому же Дениза была родом из Дейвона — графства, чьи земли когда-то принадлежали древним королям. Королевства уже нет, но наследники живы, и пророчество должно свершиться. Тони всегда был амбициозным мечтателем, как и его отец.

В любом случае это был бы достойный во всех смыслах брак, если бы родители Денизы потрудились воспитать дочь как положено. Впрочем, они давно умерли, и девушку выводила в свет тетка, мечтавшая как можно быстрее сбить племянницу с рук, поскольку подраставшие собственные дочери не были столь красивы.

Предложение виконта Сен-Клера приняли весьма благосклонно. Как подозревал сам Энтони, тетя Денизы вздохнула с облегчением.

Впрочем, дама была хорошо воспитана и старательно скрывала эмоции, делая вид, что радуется за удачный брак своей подопечной. Сама девушка — Тони не сомневался, что Дениза была влюблена в него, — как и положено, скромно потупив взор, произнесла заветное «да», и свадьбу назначили на апрель.

Белое платье, подвенечная вуаль, традиционный букет из роз, хотя невеста и просила добавить туда вереск...

Бой огромных напольных часов заставил виконта вынырнуть из воспоминаний. Он взглянул на циферблат. Половина девятого. Дениза все еще не вышла. Энтони задумчиво посмотрел на слуг, тихо переминавшихся с ноги на ногу.

— Милорд желает сеть за стол? — не выдержал один из них, второй громко шикнул на него и виновато посмотрел на раздосадованного хозяина:

— Простите, господин виконт.

Сен-Клер коротко кивнул и направился к выходу. Если Дениза решила, что муж будет терпеть ее капризы, то она глубоко ошибается. В раздражении поднявшись на второй этаж, он направился в спальню, которую ему указала горничная, резко распахнул дверь, прошел внутрь и замер. Его жена спала. Стараясь не шуметь, Тони сел рядом.

Дениза лежала поверх покрывала, свернувшись калачиком и подложив ладонь под щеку, на которой виднелись следы слез. Тонкая ткань рубашки плавно повторяла изгибы тела.

Виконт тихо стянул с себя фрак и повесил на спинку кровати. Все, что ему нужно, — это наследник. Его кровь и кровь древних королей.

Пухлые губы спящей приоткрылись. Не в силах сдержаться, Сен-Клер наклонился и накрыл их своими. Ладонь, скользнув под тонкую ткань, по-хозяйски легла на обнаженную грудь. Дениза моментально открыла глаза, дернулась, пытаясь избавиться от объятий мужа. Тот лишь сильнее навалился сверху, уже предвкушая...

Это было ошибкой. Яркая вспышка магии, и Тони почувствовал, как его с силой отбросило к стене.

— Как ты смеешь!.. — Девушка приподнялась на локте, стыдливо придерживая расстегнутый ворот своей рубашки.

Это разозлило виконта даже больше, чем ее магия, которая — о, он это почувствовал! — стала еще сильнее.

— Ради всего святого, Дениза, ты — моя жена! — раздраженно прошипел виконт.

— Жена? — Она истерично рассмеялась. — *Тони*, ты сам отказался от меня!

— Прекрати истерику, — поморщился Энтони. Желание прошло, оставив на душе какой-то мерзкий осадок. Виконт с опаской подошел и снова присел на край кровати. — Поверь, я желаю этой близости не больше, чем ты.

— Но тебе нужен наследник, — кивнула Дениза, слова мужа уязвили ее даже больше, чем попытка насилия. — Что же такое случилось, Тони, что ты перешагнул через себя и приехал? Все дело в моей магии, верно?

— Какая разница? — Виконт делано пожал плечами.

— Ты прав — никакой! — Девушка встала и накинула на плечи шаль, пытаясь укрыться от его взгляда.

— Хочешь сказать, что отказываешь мне? — Тони недоверчиво посмотрел на жену.

— Ты удивлен? — Дениза вновь истерически рассмеялась, смех оборвался всхлипом. — Уходи.

— Нет. — Муж встал и подошел, нависая над ней. — Это мой дом, Дениза, а ты — моя жена. И ты обязана...

— Я перестала быть твоей женой, когда ты выслал меня сюда! — выкрикнула она. — Хотя я... Полгода, Энтони! Полгода ты не вспоминал обо мне, и вот теперь...

Дениза закружила по комнате, сиюсь успокоиться, наконец она замерла у окна, всматриваясь в темноту за стеклом.

— Я просто хочу знать почему. — Голос звучал очень глухо. — На это я имею право...

Виконт скривился и смерил ее надменным взглядом. Он часто прибегал к этому приему, когда хотел избежать неприятных вопросов.

— Поговорим об этом после ужина, будь добра спуститься в столовую! — процедил он и вышел, даже не подумав забрать фрак и галстук.

Дверь захлопнулась. Дениза вздрогнула словно от удара и затем, медленно повернувшись, зло посмотрела на лежащие на кровати вещи.

Как обычно, все сшито лучшими портными столицы: простая элегантность и ничего лишнего. Ее платья, которые она привезла из Ландау, были такими же. Девушка задумчиво подошла к кровати, двумя пальцами подняла фрак и переложила на стул, после чего позвала служанку.

На то, чтобы привести себя в порядок, ушло гораздо больше времени, чем предполагала Дениза: после дневной скачки и сна волосы спутались. Горничная еле смогла их расчесать. Закончив, миловидная пухлощекая девушка вопросительно посмотрела на хозяйку, ожидая приказа, какое подать платье. Та пожала плечами, показывая, что ей все равно.

Поджав губы в знак неодобрения, горничная принесла ей одно из тех, что были заказаны еще в Ландау к медовому месяцу: золотистый шелк и шоколадно-коричневый шифон, отороченный серебряным кружевом. Портниха прислала платье как раз в тот день, когда разразился скандал с мужем, и Дениза так ни разу его и не надела.

Девушка с сомнением посмотрела на струящуюся ткань.

— Зачем ты принесла это платье, Молли? — холодно спросила она. — Я ведь не собираюсь никуда выезжать.

— Приехал ваш муж, миледи, неужели вы не хотите доставить ему удовольствие? — Горничная с укором посмотрела на свою госпожу.

Для деревенской девушки все было просто. Когда-то господа поссорились, а теперь виконт приехал, чтобы вернуть жену. Наверняка когда хозяева помирятся, то уедут в Ландау, возможно захватив с собой нескольких слуг из имения.

Дениза горько усмехнулась, прекрасно читая мысли горничной:

— Его удовольствие волнует меня меньше всего.

Не желая больше говорить на эту тему, виконтесса позволила горничной облачить ее в платье и даже вплести в волосы золотистую ленту в тон, но перчатки надевать не стала, лишь накинула на плечи шаль, желая подчеркнуть, что это — всего лишь семейный ужин.

Когда девушка спустилась вниз, Энтони был крайне голоден и зол. Он и не подумал подняться в свою комнату, чтобы надеть другой фрак, — так и остался в жилете и с распахнутым воротом. Бросив на жену взгляд, не предвещающий ничего хорошего, виконт холодно протянул руку, которую Дениза так же холодно проигнорировала. Лакей, распахнув перед хозяйкой двери столовой, невольно помог избежать очередной ссоры, и супруги чинно сели за стол.

В комнате было очень сыро. Живя в имении одна, Дениза предпочитала есть либо у себя в спальне, либо в более уютной и современной гостиной. Столовая же с ее каменными стенами и узкими стрельчатыми окнами удручала, наводя на мысли о склепе.

Весь ужин прошел в напряженном молчании. Дениза старательно ковыряла кусок курицы на тарелке, бросая на Энтони быстрые взгляды. Она никогда не видела его столь решительным раньше, и это заставляло сердце сжиматься от страха. Никто не будет вмешиваться, попытайся муж применить насилие.

Виконтесса могла рассчитывать лишь на свою магию, но слова церковной клятвы связывали ее, требуя подчинения мужчине. В Ландау вообще не слишком жаловали магический дар у женщин, и потому в церковном обряде всегда были формулы подчинения. Хотя не поразила же Денизу молния в спальне?

Это было странно. Как и то, что виконтесса смогла свободно воспользоваться своим даром против мужа. В Ландау у нее не получилось, но теперь...

— Ты даже не притронулась к еде. — Голос мужа звучал очень резко.

Это вывело девушку из раздумий.

— Ты просто не заметил. Я поела.

— Кого ты пытаешься обмануть?

Вопрос застал врасплох.

«Себя, — вдруг подумалось Денизе. — Я пытаюсь убедить себя, что ничего не происходит».

Она закрыла глаза, затем открыла и решительно посмотрела на мужа, гадая, насколько он изменился.

— Может быть, все-таки перестанешь смотреть на меня с таким испугом, словно я — чудовище? — Тони не скрывал раздражения. — В конце концов...

Виконт осекся и бросил быстрый взгляд на слуг. Это не прибавило ему настроения, он одним глотком допил вино и со стуком поставил бокал на стол.

— Продолжим наш разговор позже.

Энтони встал и вышел, оставив свою жену одну за столом.

Прикусив губу, Дениза долго сидела и смотрела в тарелку, избегая сочувственных взглядов лакеев. Наконец успокоившись настолько, чтобы не расплакаться, отложила приборы, сдернула с колен белую льняную салфетку и, все еще избегая смотреть на слуг, вышла в сад.

Из окна своей спальни виконт внимательно следил за тем, как его жена бродит по дорожкам парка. По тому, как Дениза куталась в шаль, было видно, что ей холодно, но она упрямо продолжала прогулку, словно опасаясь идти в дом.

Энтони не знал, что ему делать. Направляясь сюда, он ожидал, что жена будет по меньшей мере признательна за проявленное великодушие, но Дениза вела себя так, словно это он перед ней виноват. Он, а не она!

Сен-Клер отошел от окна и задернул пыльные выцветшие шторы. Виконт был уверен, что Дениза обрадуется его приезду и оценит его поступок. Но вместо этого жена сопротивлялась так, словно была девицей.

Не ожидавший такого отпора с ее стороны, виконт растерялся. Церковные клятвы, принуждавшие жен покоряться воле мужей и не желать им зла, вдруг оказались бессильны. Они не могли сдержать магию Денизы.

И вот теперь Энтони стоял в промозглой спальне, совершенно не зная, что ему делать со всем этим.

Закралась мысль, что развод, возможно, был бы уместнее, но это займет время, которого у виконта попросту нет: вот уже третий раз за год его пытались убить.

Первый раз это случилось на охоте, сразу после того как Дениза отправилась в Клер-холл. Лорд Руперт Сен-Клер, кузен и пока что единственный наследник Энтони, вернувшись с континента по окончании войны, позвал родственника охотиться на лис.

По счастливой случайности лошадь виконта попала ногой в кроличью нору, и тот просто вылетел из седла, когда над головой просвистела пуля. Имя стрелка не выяснили и все списали на недоразумение. Хотя виконту и показалось странным, что стреляли в этом направлении, но из нелепого страха перед кузеном, который был на пять лет старше, поднимать скандал он не стал.

Во второй раз виконта попытались отравить бараниной с чесноком, которую должны были подать на ужин. Руперт как раз заехал к родственнику. Как всегда, к недовольству виконта, кузена сопровождали собаки, и по удачному стечению обстоятельств до мяса первым добрался один из псов.

Спаниель бросился под ноги слуге, несущему блюдо с бараниной, тот упал, и пес буквально заглотил мясо, после чего забился в конвульсиях и подох на глазах у хозяина.

Кухарка клялась и божилась, что в доме не было посторонних, то же самое говорил и дворецкий. По требованию Руперта, проявившего, пожалуй, даже бóльшую озабоченность, чем Энтони, виконт уволил всех слуг и нанял новых, оставив лишь дворецкого и экономку, в преданности которых не сомневался.

Кузен настаивал на увольнении и дворецкого, тем более что Порридж поступил в дом относительно недавно, накануне женитьбы виконта Сен-Клера, но Тони бесконечно доверял своему слуге, считая его образцом бескорыстной преданности.

В третий раз прибегли к помощи магии. Девица в публичном доме, куда он иногда заезжал вместе с Рупертом, вдруг полыхнула магией.

Тони неплохо знал Анну, не раз пользовался ее услугами, поэтому и помыслить не мог, что проститутка направит на него столь сильное проклятие.

Фамильный перстень-печатка, амулет рода, который виконт нехотя носил, считая украшение слишком старомодным, отразил магию, обратив ее против нападавшей. Она умерла, не приходя в сознание.

Визжащие девицы, хозяйка с побелевшим лицом, ловчие маги в красных форменных жилетах, незамедлительно вызванные Рупертом. Скандал получился весьма впечатляющим.

Самому Энтони пришлось провести несколько неприятных часов в управлении ловчих. После вопросов толстого инспектора виконт вернулся домой, выпил виски, после чего сплел охранные чары, защищавшие его постоянно.

Магия забирала много сил, и тогда Энтони впервые задумался о наследнике. Руперт в счет не шел, хотя и доводился племянником старому виконту Сен-Клеру, отцу Энтони.

Конечно, у отца существовал еще один брат, о котором Сен-Клеры предпочитали не вспоминать. Паршивая овца. Игрок и кутила, он, лишенный ежегодного содержания, сбежал в южные колонии, где и исчез бесследно.

Энтони нужен был свой собственный ребенок. Щит, силой которого он мог бы подпитываться, чтобы не ослаблять сплетенные чары, и которая была бы созвучна его личной. И тогда Энтони вспомнил о Денизе. Вернее, о той магии, которую его жена, потомок древних королей, могла передать ребенку.

Виконт отошел от окна и торопливо начал расстегивать жилет. Конечно, следовало бы вызвать лакея, но неотесанный деревенский парень наводил на хозяина тоску.

Покрутив на пальце кольцо-печатку — теперь Энтони носил артефакт постоянно, — он задумчиво прошелся по комнате, затем вновь выглянул в окно. Дениза все еще стояла на одной из дорожек, обхватив себя руками. Виконт заметил, что деревья качаются, а значит, ветер усилился.

Девушке явно было холодно, но она упрямо продолжала ходить между клумбами, словно вознамерившись провести ночь под открытым небом. И когда это жена стала такой упрямой?

Тони усмехнулся. По всей видимости, Дениза решила, что болезнь избавит ее от необходимости исполнять супружеский долг.

Неодобрительно покачав головой, виконт взял из одежды первое, что попало под руку, и торопливо сбежал вниз. Выскочил из дома, громко хлопнул дверью и зашагал напрямик по газонам. Холодный ветер сразу же накинулся на виконта, словно радуясь новой жертве.

Энтони откинул со лба волосы и заметил, как Дениза обернулась, увидела мужа и невольно попятилась к краю дорожки.

— Прекрати разыгрывать комедию, — приказал тот, подходя вплотную и накидывая ей на плечи свой стеганный халат. — Здесь холодно. Пойдем в дом.

Девушка вздрогнула и беспомощно посмотрела по сторонам, словно ища предлог, чтобы остаться. Виконт покачал головой:

— Бежать от проблем глупо. Давай спокойно поговорим обо всем.

Понимая, что муж прав, Дениза прикусила губу и направилась к крыльцу. Едва супруги подошли к лестнице, из темной части холла послышался шум. Тони побледнел и схватил жену за руку, точно ища защиты. Девушка обернулась и увидела, как дверь, ведущая в заброшенную часть дома, открывается и оттуда выходят двое мужчин.

ГЛАВА 2

Одним днем ранее

Лорд Руперт Сен-Клер сидел в столовой своего дома, расположенного на Аппер-роуд, и ел виноград.

Это был высокий, атлетически сложенный мужчина с достаточно приятными чертами лица. Их не портили ни тонкие губы, ни упрямо выдающийся вперед подбородок, свидетельствующий о железном характере.

Темные волосы милорда были подстрижены и уложены, вернее, взъерошены по последней моде, а модный сюртук сшит, несомненно, самим Уостеном.

Злые языки судачили, что лорду Сен-Клеру не хватает томного изящества и лоска, которые присутствовали у его кузена, виконта Энтони Сен-Клера. Возможно, дело было в том, что Руперт предпочитал более спортивный стиль в одежде, отказывался курить сигары, никогда не делал скучающего выражения лица, а из украшений носил лишь кольцо-печатку с темным рубином. Сейчас в ярком свете солнечных лучей камень казался кроваво-красным.

Руперт лениво обрывал полупрозрачные золотистые ягоды одну за другой и отправлял себе в рот, проглатывая вместе с косточками, — дурная привычка, которую он приобрел во время военной службы на континенте. Небольшой пес, рыжий гладкошерстный терьер, сидел у ног хозяина и внимательно следил за рукой.

Виконт Сен-Клер, несомненно, ужаснулся бы присутствию животного в столовой, как и поступку кузена, и заявил, что наследнику титула не стоит вести себя столь развязно даже в отношении винограда. Но Тони вот уже два дня не появлялся в доме Руперта, чему тот был несказанно рад: в последнее время нервозность спесивого кузена утомляла.

Энтони не оправдывала даже череда неудачных покушений. Сам Руперт, неоднократно рисковавший жизнью во время войны, привык смотреть смерти в лицо с изрядной долей фатализма.

В двадцатилетнем возрасте поступив адъютантом к Артуру Каррингтону, когда тот еще не был герцогом, Руперт достаточно быстро продвинулся по служебной лестнице, возглавив департамент по особым поручениям, где в полной мере проявил себя.

В отличие от других героев войны имя лорда Сен-Клера не было известно широкой публике, но высшие чины, командовавшие армией, прекрасно знали все донесения капитана Сен-Клера, а Узурпатор не раз назначал за темноволосую голову милорда вознаграждение полновесными золотыми монетами.

Окончание войны и подписание мирного договора заставили Руперта пересмотреть свои взгляды на жизнь. Он решительно не видел себя в армии в мирное время, военная муштра навевала на него тоску, поэтому капитан Сен-Клер подал в отставку и на премию, выданную Каррингтоном, вернее, военным министерством, купил небольшой дом в одном из фешенебельных районов Ландау.

Наконец Руперт отложил наполовину общипанную гроздь на тарелку и вытер пальцы белоснежной салфеткой. Собака приподняла уши и нетерпеливо заскулила.

— Тори, где твои манеры? — укорил его хозяин, отрывая пару ягод и кидая их вниз.

До пола они не долетели. Тори щелкнул зубами, облизнулся и радостно застучал хвостом о блестящий паркет.

Руперт потрепал его по голове, и терьер, открыв пасть, вывалил язык, словно ухмыляясь.

Вошедший лакей прервал эту идиллию. Он остановился в дверях и деликатно кашлянул, привлекая внимание хозяина. Руперт поднял голову и внимательно посмотрел на слугу своими золотисто-зелеными, точно ягоды винограда, глазами:

— А, Клиф, что у тебя?

— Вдовствующая леди Сен-Клер ожидает вас в гостиной, милорд.

— О! — Его милость спешно поднялся, едва не наступив на лапу прыгающего вокруг пса.

— Ну же, Тори, веди себя спокойнее, — укорил животное Руперт. — Иначе ты просто останешься без лап! Пойдем, не стоит заставлять мою матушку ждать!

Он направился в соседнюю комнату так стремительно, что лакей едва успел распахнуть перед хозяином дверь.

Гостиная ремонтировалась совсем недавно. Стены ее были выкрашены в нежно-голубой цвет, потолок — покрыт лепниной в виде цветов и веток, огромный камин сделан в виде портика храма, а барельефы над ним изображали сцены из Святой книги.

Сейчас их с интересом рассматривала невысокая, одетая по последней моде женщина. Ее темные волосы уже тронула седина, а на лице появились морщины, но зеленые глаза, так похожие на глаза сына, искрились весельем.

— Прошу прощения, дорогая, надеюсь, ты успела заскучать! — Руперт направился к матери, но Тори опередил его, радостно заскакав вокруг женщины.

— Здравствуй, мой милый, здравствуй! — Леди Сен-Клер наклонилась, чтобы погладить пса, вызвав еще одну бурю восторга, затем подняла смеющиеся глаза на сына. — Тебя я тоже рада видеть, Руперт!

— О, это взаимно! Я всегда был уверен, что Тори ты любишь гораздо больше! — отозвался милорд, ничуть не смущенный таким поверхностным проявлением материнской любви. — Хочешь чаю?

— В такую рань? — Женщина выразительно приподняла брови.

— Фи, дорогая, что за выражения! — поддразнил ее сын, заслужив взрыв мелодичного смеха. — Кстати, могу я полюбопытствовать, что привело тебя ко мне, как ты выразилась, в такую рань?

— Всего лишь твоя тетя Августа, милый. — Леди Сен-Клер грациозно опустила на кушетку.

Руперт вздернул бровь, давая понять, что ждет объяснений. Мать недовольно фыркнула:

— Я встретила ее на Палм-стрит, и она увязалась за мной, намереваясь заставить меня пригласить ее на чай, вот я и не нашла ничего лучше, как сказать, что иду к тебе!

— Да, но зачем при этом действительно заходить? О, это не значит, что я не рад тебя видеть, дорогая... Тори, сидеть! — Последние слова адресовались псу, который, решив, что матушка хозяина пришла именно к нему, пытался залезть на кушетку.

Пес мгновенно сел и горделиво посмотрел на хозяина, ожидая одобрения. Руперт потрепал его за ушами и получил в ответ еще одну собачью ухмылку.

— Я же говорила, она увязалась за мной! — нетерпеливо повторила леди Сен-Клер, притопнув ногой. — И если бы ты не был столь бессердечен, то посочувствовал бы!

Руперт бросил на мать веселый взгляд:

— Бедняжка... Это, должно быть, неудобно... тебе ведь пришлось пройти целых три улицы!

— Смейся-смейся, гадкий мальчишка! — Леди Сен-Клер наигранно нахмурилась. — А мне пришлось слушать ее всю дорогу! Она отстала от меня, лишь когда я подошла к ступеням твоего дома! Конечно, мне пришлось подняться на крыльцо и постучать!

— Невыносимая жертва с твоей стороны, — посетовал Руперт.

— Разумеется, я ведь не собиралась видеться с тобой еще три дня, до бала у Маверрингов. Ты там будешь?

Сын оборвал смех и задумчиво взглянул на мать:

— Возможно.

— Руперт, мне необходимо, чтобы ты был там! — Вдовствующая леди Сен-Клер хлопнула рукой по кушетке, что было воспринято терьером как приглашение все-таки забраться на сиденье рядом со столь доброй женщиной и попытаться лизнуть в лицо. — Вот ведь ужасное создание! Никакого чувства такта!

— Надеюсь, последние слова относились не ко мне? — меланхолично поинтересовался ее сын.

— Конечно, хотя какова собака, таков и хозяин! Всё, Тори, хватит! — Миледи аккуратно столкнула пса с дивана, вынуждая спрыгнуть на пол. — Руперт, милый, мне просто необходимо, чтобы ты появился там! Граф Ремзи...

— Что еще хочет от тебя этот остолоп?

— Он не остолоп, а зануда! Он всегда делает мне предложение! Я уже устала отвечать ему отказом в сотый раз!

— В сороковой, — отозвался лорд Сен-Клер, но его мать упрямо вздернула голову:

— В сотый!

— В сороковой.

— В сотый! И поскольку я в дурном расположении духа, не смей со мной спорить!

— Я еще в своем уме, — усмехнулся Руперт. — Но, мама, если граф Ремзи так настойчив, возможно, тебе стоит согласиться?

Леди Сен-Клер посмотрела на него с укором:

— И довести беднягу до сердечного приступа? Он ведь так привык к моим отказам, что делает мне предложение, даже не задумываясь. Если я соглашусь, его от неожиданности хватит удар! Нет, милый, его верность заслуживает уважения, и я не могу поступить с ним так жестоко!

— Выходи за кого-нибудь другого, — пожал плечами Руперт, пытливо взглянув на мать.

От него не укрылся огонек беспокойства в ее глазах.

— Милый, ты же знаешь: чтобы выйти замуж, женщине надо получить предложение.

— Ни за что не поверю, что никто, кроме Ремзи, не предлагал тебе руку и сердце!

— Конечно, предлагали! Но я отказала. — Леди Сен-Клер старательно разгладила подол платья из голубого шелка.

— Только не говори, что ты сделала это в память о моем отце! Ты его терпеть не могла!

— Мы с ним не ладили, признаю, что не помешало мне родить тебя, беспринципное создание! А теперь ты не желаешь ехать на бал!

— Я просто не понимаю: зачем тебе так необходимо мое присутствие? — Руперт скривил губы в подобие улыбки. — Ну же, дорогая, признавайся!

— Руперт, не изображай, что ты глупее, чем есть на самом деле! Ремзи ужасно танцует вальс!

— Я не хочу танцевать вальс!

— Ты и не будешь. Просто принесешь мне шампанского. — Леди Сен-Клер сделала вид, что вновь рассматривает барельеф над камином. — Милый, не слишком ли безнравственно помещать в гостиную почти голых мужчин?

— А они голые? — Руперт всмотрелся в лепнину. — Не знаю. Не замечал.

— Если бы ты стал замечать голых мужчин, я бы действительно забеспокоилась. — Женщина улыбнулась, на щеках появились ямочки, придавшие ей озорной вид. — Кстати, на балу будет дочь моей подруги...

— Неужели?

— Она весьма приятная девушка...

— Не сомневаюсь.

— Я подумала, что ты мог бы уделить ей немного внимания...

— Мама, не уверен, что тебе стоит поднимать эту тему, — предупредил милорд, слегка прищурился.

Мать пожала плечами.

— Тебе все равно придется сделать это, Руперт! — Леди Сен-Клер встала и подошла к сыну. — Послушай, я прекрасно осведомлена о тех чувствах, которые ты питал к той девушке на материке...

— Похоже, ты знаешь обо мне больше, чем я сам, — холодно отозвался тот. — Позволь лишь уточнить, о ком именно ты ведешь речь: на материке у меня было довольно много... девушек. Правда, должен заметить, все они были... весьма определенного толка...

— Если ты собираешься меня шокировать вульгарным поведением, изображая солдафона, то зря потратишь свое время! — Леди Сен-Клер виновато улыбнулась. — Руперт, не я одна считаю, что тебе пора жениться и обзавестись наследником!

— Ты говоришь так, словно советуешь мне завести собаку, — заметил сын.

— Но Руперт!

— Мама, дорогая, если ты не хочешь поспорить со мной, давай оставим эту тему! — непререкаемым тоном произнес лорд Сен-Клер. — Лучше расскажи, что еще поведала тебе моя глубоко обожаемая тетя Августа!

— Она сказала, что Тони вчера уехал в Клер-холл. — Леди Сен-Клер сделала вид, что смахивает пылинку с жакета. — Полагаю, он собирается вернуться к своей жене, чтобы произвести на свет наследника.

От женщины не укрылось странное выражение, мелькнувшее на лице у сына. Тем не менее Руперт быстро взял себя в руки.

— Вот как? Старина Тони решил все-таки продолжить свой род?

— Думаю, да. — Леди Сен-Клер встала и с сочувствием посмотрела на сына. — Руперт, милый...

— Мама, только не надо этих пафосных речей! — скривился он. — Уж ты-то должна знать, что титул кузена волнует меня меньше всего, как и его давно заложенное имение.

— А оно заложено?

— Насколько мне известно — да. Я могу пригласить тебя остаться на ленч, если ты не будешь больше затрагивать тему моей женитьбы, а также отъезда Энтони!

Леди Сен-Клер поняла, что ее визит не удался.

— Боюсь, что не смогу воспользоваться твоим приглашением, обе темы слишком волнуют меня, чтобы я могла пренебречь

ими. — Она беззаботно улыбнулась и встала. — Мне пора идти. Леди Эмберсли будет ждать меня в парке, чтобы продемонстрировать свой новый фаэтон и четверку гнедых.

— Смотрите не перевернитесь, иначе на балу не будет тебя, граф Ремзи этого не переживет и его точно хватит удар! А мне вовсе не хочется отпаивать его шампанским во время вальса, — напутствовал ее на прощанье неблагодарный отпрыск.

Вдовствующая леди Сен-Клер лишь рассмеялась и послала ему воздушный поцелуй.

Оставшись один, Руперт прошелся по гостиной и остановился у камина, задумчиво глядя на аккуратно сложенные дрова. Слова матери взволновали его больше, чем он хотел показать. Наследник Энтони мог изменить все. К тому же лорду Сен-Клеру порядком надоела спокойная, размеренная и оттого ужасно скучная жизнь в столице.

Он постучал пальцами по каминной полке и перевел взгляд на напольные часы, стоявшие напротив камина.

— Похоже, Тори, нам предстоит небольшая прогулка! — обратился милорд к псу.

Терьер радостно встрепенулся и направился к дверям. Подхватив трость и нахлобучив на голову цилиндр, Руперт последовал за ним.

Военное министерство располагалось в трех кварталах от дома милорда. Это было одной из причин, по которой Руперт не стал просить мать выехать из дома, доставшегося ему в наследство от отца, а купил себе собственный.

— Поверь, дорогая, под одной крышей мы вряд ли уживемся, а мне гораздо проще купить себе новый дом, чем просить тебя переезжать, — неизменно отвечал он с улыбкой на настойчивые попытки леди Сен-Клер восстановить справедливость.

В результате мать смирилась, а Руперт наслаждался одиночеством в полупустых комнатах.

Дойдя до министерства, его милость приветливо кивнул швейцару в ярко-алой ливрее, услужливо открывшему входную дверь. Тот недовольно покосился на пса, но спорить не стал, прекрасно зная, что проиграл.

Руперт вошел в прохладный холл, легко протолкался сквозь людей в форме и по широкой мраморной лестнице поднялся на второй этаж.

Пройдя по длинному коридору с множеством дверей, милорд свернул направо, миновал вытянувшихся в струнку часовых и последовал в знакомый кабинет.

Сэр Артур Каррингтон, сидящий за огромным столом из полированного красного дерева, поднял голову и строго посмотрел на посетителя своими круглыми светло-голубыми глазами. Впрочем, его взгляд сразу же смягчился.

— Руперт! Рад тебя видеть! — Он встал и обошел стол, протягивая руку для приветствия.

— Взаимно, сэр. — Тот пожал протянутую ладонь. — Как поживаете?

— Сносно. Весьма сносно. — Герцог внимательно посмотрел на пса, сопровождавшего бывшего адъютанта по особым поручениям и буквально прыгавшего на поводке, стремясь поздороваться с Железным Герцогом. — Где ты взял это чудовище?

— О, вижу, вы оценили Тори по достоинству! — усмехнулся Сен-Клер. — Я нашел его в сточной канаве. Кто-то выкинул его, израненного после собачьих боев.

— Не знал, что ты посещаешь столь низкопробные увеселения. — Герцог вновь вернулся на место и указал своему протезу на стул для посетителей.

— Я не посещал, я лишь подобрал собаку. — Руперт сел и щелкнул пальцами, приказывая псу лечь у ног. — Тори — страж Грани.

— Это многое объясняет. — Обладая несильным магическим даром, сэр Артур прекрасно понимал ценность животных, способных чувствовать изломы и удерживать людей от перехода за Грань — незримую границу между миром людей и фейри. — Но ты пришел не только для того, чтобы показать мне своего пса?

— Нет. Мне необходимо уехать.

— Надеюсь, это не одна из твоих эскапад, навеянных хандрой от мирной жизни? — фыркнул сэр Артур. — В последний раз, кажется, ты две недели жил с цыганским табором?

— Всего лишь путешествовал с контрабандистами, сэр! — Руперт рассмеялся. — Эти славные ребята подобрали меня после крушения моей яхты. Признаться, мы здорово повеселились, уходя от конвоя в прибрежных водах.

— Не сомневаюсь. — Каррингтон хмыкнул.

Во время войны капитан Сен-Клер считался любимцем капризной фортуны. О нем ходили легенды. Герцог до сих пор не мог понять, как Руперту удавалось выбираться живым и невредимым из переделок, где любой другой поплатился бы жизнью.

Даже в битве при Талаверде, превратившейся в мясорубку и унесшей жизни более сорока тысяч солдат, капитан, весь день

исполнявший поручения герцога и находящийся в центре сражения, отделался лишь синяками и царапиной от срикошетившей пули, хотя и потерял трех коней.

Поговаривали, что все дело в магии, но Каррингтон точно знал, что в магическом даре бывшего адъютанта не было ничего выдающегося. Потомки древних королей юга, Сен-Клеры за эти века заключали браки не только с жителями Корнуи, постепенно утрачивая магические силы. Впрочем, кто сейчас действительно владел магией? С тех пор как маги нашли способ заточать огненных демонов в металлические корпуса машин, магия все больше утрачивала смысл.

— На этот раз я поеду в Клер-холл, — тем временем продолжал Руперт. — Решил навестить родовое имение. А поскольку не знаю, как долго я там пробуду, то хотел попросить вас приглядеть за моей матерью, леди Сен-Клер.

Делая вид, что не замечает пристального взгляда командующего, Руперт закинул ногу на ногу и любовался отражением в начищенных до блеска сапогах. Затем поднял смеющиеся глаза на герцога:

— Неужели вы думали, сэръ, что сможете обмануть меня?

— Мы никого не обманывали, — запротестовал тот, понимая, что отрицать бесполезно. — Просто не хотели афишировать... Надеюсь, ты не возражаешь?

— С чего бы? — Лорд Сен-Клер пожал плечами. — Если вы не заметили, сэръ, я уже вышел из того возраста, когда сыновья ко всем ревнуют собственных матерей. Если леди Сен-Клер счастлива с вами, я буду рад.

— Я бы женился на ней...

— Но она даже слышать об этом не хочет.

— Констанс рассказала тебе о нас?

— Разумеется, нет! Но сегодня с утра мы имели весьма гм... содержательный разговор в моей гостиной. И поскольку моя мать явно вознамерилась сделать из меня примерного семьянина, я предпочту исчезнуть, пока эта блажь не выветрится у нее из головы.

Каррингтон бросил понимающий взгляд на своего бывшего адъютанта, но не стал задавать вопросов, за что Руперт был весьма признателен.

— Когда тебя ждать обратно? — спросил командующий.

Лорд Сен-Клер пожал плечами:

— Кто знает. Все зависит от одного дела. Как только я решу его, я вернусь. — Он встал и протянул руку. — Удачи вам, сэръ!

— Мне? — нахмурился Каррингтон, обмениваясь рукопожатием. — В чем?

— В вальсах! Моя мать их очень любит. Впрочем, вы можете просто принести ей шампанского! Тори, пойдем!

Ухмыльнувшись, Руперт покинул кабинет, пока командующий не успел ответить. Легко сбегав по лестнице, милорд вышел из министерства и взглянул на ратушные часы:

— Четверть второго. Тори, если ты поторопишься, мы с тобой попадем на вечерний экспресс.

Терьер не понял, что он должен делать, но, догадываясь, что им с хозяином предстоит приключение, радостно запрыгал вокруг.

ГЛАВА 3

Вокзал встретил Руперта шумом и суетой. Держа в одной руке поводок, а в другой — саквояж, собранный верным камердинером, лорд Сен-Клер отказался от помощи подбежавшего мальчишки-носильщика и с достоинством направился на один из перронов, где уже вовсю шипело новомодное железное чудовище, именуемое локомотивом или рельсовым экипажем.

Вернее было сказать, что шипел и скрежетал заключенный в нем огненный демон, заточенный в огромный кроваво-красный кристалл. Для спокойствия пассажиров сам кристалл был спрятан под железный корпус, но Руперт прекрасно знал, что никакое железо не удержит духа, вырвавшегося за грани своей тюрьмы. Именно поэтому рубины для ловушки обрабатывались очень тщательно. Малейшая царапина или скол могли стать фатальными.

Обретший свободу злобный дух начинал мстить за заточение, уничтожая все на своем пути.

Почувствовав приближение мага, демон в рубине забесновался еще сильнее, из трубы локомотива вырвались клубы пара.

При этих звуках Тори наострил уши и глухо зарычал, давая понять, что страж Грани начеку.

— Тише, Тори, тише! — успокоил его хозяин и, отыскав глазами вагон красного цвета, что свидетельствовало о первом классе, подошел к входу.

— Добрый день, капитан! Рад видеть вас в добром здравии! — поприветствовал его уже немолодой усатый контролер

в зеленой форменной одежде, беря протянутый пассажиром билет.

— Добрый. — Руперт, удивленный обращением по воинскому званию, слегка наклонил голову, пытаясь вспомнить, почему лицо этого человека кажется ему знакомым.

— Барни Смитт, сэр! Девятый стрелковый полк, сэр! — пояснил тот, вытягиваясь в струнку и прикладывая руку к козырьку фуражки. — Вы две недели выводили нас из окружения, приняв на себя командование, когда полковник Симмерсон сбежал!

— Конечно! Рад видеть в добром здравии! — Лорд Сен-Клер вежливо улыбнулся.

— Благодарю вас, сэр! Как поживает ваша леди, сэр?

— Моя леди? — В голосе Руперта звучало предупреждение, но Барни не обратил на это внимания.

— Должен сказать, все ребята нашего полка помнят вашу доброту и ее щедрость! Верзила Дик всегда говорил...

— Это замечательно, что он говорил, — оборвал его Руперт, даже не пытаясь вспомнить, кто такой Верзила Дик. — К сожалению, у меня мало времени, поэтому не мог бы ты, Барни, вернуть мне мой билет?

Контролер охнул, покраснел и протянул отштампованный кусочек картона.

— Простите, сэр! Счастливого пути, сэр!

— Спасибо. — Руперт подхватил Тори на руки и поднялся в вагон. Его купе было третьим.

Опустив норовившего лизнуть в подбородок пса на пол, лорд Сен-Клер снял цилиндр и положил его вместе с перчатками на небольшой столик у окна. Взглянув на перрон, Руперт недовольно отметил, что Барни Смитт все еще стоит с глупым видом у вагона, и задернул бархатные занавески, отсекая себя от остального мира.

Пользуясь тем, что купе выкуплено полностью и попутчиков не предвидится, его милость вальяжно расположился на обитых красным бархатом мягких сиденьях. Тори попытался лечь рядом с хозяином, но был остановлен властным окриком и послушно свернулся калачиком чуть в стороне.

— Так-то лучше, приятель. — Лорд Сен-Клер развернул предусмотрительно купленную на вокзале свежую газету и принялся просматривать новостные колонки, но ни одна из заметок не привлекла его внимание настолько, чтобы вчитаться в строки.

Натужный вой демона прозвучал как раз в тот момент, когда милорд отложил газету. Поезд задрожал, колеса надрывно закрипели, вагон замер, а затем дернулся вперед, возвещая о начале движения. Руперт прикрыл глаза, намереваясь подремать, но сон все не шел.

Слова матери, понимающие взгляды командующего, пожалуй, лучше, чем кто бы то ни было, знавшего, что творится на душе у адъютанта, затронули все еще болезненную тему. А встреча с Барни Смитом оказалась последней каплей, разбредившей старые раны.

Елена... Высокая, стройная, темноволосая, почти никогда не улыбающаяся. Впервые Руперт встретил ее в военном лагере. Гордая алансонка, она командовала отрядом партизан. Те называли ее Стрелой. Стрела...

Темные волосы, которые Елена всегда заплетала в косу, белоснежная кожа, огромные янтарные глаза... Капитан Сен-Клер был сражен наповал с первого взгляда.

Их роман напоминал каменные обвалы, которые партизаны устраивали войскам Узурпатора в горах: огромные валуны, летящие на головы людей и дальше — в пропасть.

С Еленой у Руперта всегда складывалось ощущение, что и они сами, словно валуны, летят в пропасть.

Сумбурные внезапные встречи, ночи, проведенные в лесу, когда они, укрывшись плащом, смотрели на яркие звезды, бешеные скачки через ущелья, когда пули свистят над головой, — все это заставляло лишь смеяться. С Рупертом нелюдимая Стрела вновь начала смеяться.

Елена погибла в битве при Талаверде, а через неделю после ее смерти было подписано мирное соглашение, и армия Узурпатора сложила оружие. Руперт вернулся домой, где изнывал от тоски и монотонной никчемности своей жизни.

Почувствовав, что состав набрал ход, лорд Сен-Клер раздвинул занавески. Поезд уже выехал из города и теперь несся вперед.

Перед глазами мелькали зеленые поля, сменяющиеся яблоневыми садами. Кое-где можно было заметить неказистые домики, беленые стены которых увивали розы. Даже облака, порой закрывавшие солнце, придавали этим картинкам очарование. Устав от пасторальной идиллии, Руперт вновь откинулся на спинку сиденья, раздумывая о неожиданном решении Энтони вернуться к жене

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	5
Часть вторая	198